

Артём ПОДОЛЬСКИЙ родился в 1991 году. Студент магистратуры МГИМО по специальности «Международное экономическое право».

Выступает со своими поэтическими произведениями на вечерах в МГИМО, ЦДЛ.

***

Любовь моя, цвет зелёный,
Влекут океана всплески,
Ты так хороша и спокойна,
Мы смотримся просто чудесно...

Любовь моя, цвет зелёный,
На что я готов, не глядя...
В тебя, как дитя, влюблённый,
В сомненья твои и пряди.

Угрюмо сияют волны,
А день на душе воскресный,
Глаза твои – цвет зелёный,
Любовь моя, цвет небесный.

Пески, как скалы, отвесны,
Фигура склонилась тенью,
В сердце моём столько песен,
Весна моего вдохновенья.

Далёкий и обретённый
Летает ребенок-ветер,
Любовь моя, цвет зелёный,
Красивейший цвет на свете.

Любовь моя, взгляд окрестный,
Ты счастье моё или манна?
День лазурно-небесный
И ветер мой непрерывный.

***

Мой выход в Нью-Йорк!
Моей памяти первое «запоминание»:
Перед глазами стоит Манхэттен,
Едва задевает небо
В соприкосании!
Спасибо женщине-afroamerican,
Что довела до subway-я.

Вот и хостель.
В моей комнате - беспрецедентно! -
Студенты со всех континентов,
Особенно милый afroamerican,
На нижней кровати Женя.
А из окна – вид на улицу,
Где все страны дежурят, верно!
Нет улиц длиннее Бродвея...

Пора переводить время,
Чтоб не быть впереди времени!

Уже в первый вечер -
Помню, шёл ливень - какая встреча!
Сюжет из фильма!
В пейзажах света и небоскрёбов
Ходил не просто туристом
Весёлых линий, гудков и скопов,
Ничуть, нисколько!
Во мне явился Поэт в Нью-Йорке,
И сердце билось уже неровно.

Я замечаю, гуляка-Бруклин
Напился к ночи и в реку плюнул.
United Nations – привет вам, здрасьте!
Эй, где там наши, друзья по карте?
Заварим кашу?! – Совбезу ящик!
Пусть все боятся!
Остаться клерком? – Я не пропащий
И я не думал не возвращаться!
И так, и дальше...

ЧИКАГО

Лицо MaxFactor смотрит с плаката,
Сирены и суется баржи,
Вот оно место, что «вон из ряда»,
Чикаго, город купля-продажа.

Джаз в переполненном сердце бродяги,
Вихри домов над дорогами всеми,
Мой дорогой (во всех смыслах) Чикаго!
Город свобода-ночь-и-веселье.

Аэропорт – твоя миротаможня,
Светом архитектура исполнена;
Мир, на мелодию переложенный,
Мир не картинками, зарисовками!

Чикагцы, народ безупречной безумности,
Толпами ходят, цветастее радуги,
Звёздами сходятся главные улицы,
Ярче матросом начищенной палубы.

Телеэфиры на все полмира.
Может, я в выпуске еженедельном?
Город трёхмерный, неуловимый,
И надвоздушный, и подземельный.

Чикаго, ты мой! Будь моею, Америка,
Взять за Урал тебя, милый Чикаго!
Всю экономику, мощь и эстетику!
Морей у нас хватит и без Мичигана...

Ты уедешь в Оклахому или Массачусетс
Ровно сейчас... и я как будто чувствую,
Как ты в пути меня забудешь...

Вдоль по дороге, на большом пикапе,
Вне поля зрения по мере расстояния
Мы станем незнакомыми, как раньше,
Но только, может быть, немножко дальше.

Между Старым Светом и Новым!

Я без тебя, наверно, не завяну,
Пойду искать себя от штата к штату,
И перепробую все шатлы,
Мне будет вспомнить что...

Что в Вашингтоне низкие каштаны,
Что весь Висконсин окружён морями,
И что в Нью-Йорке жарче, чем в Майями.
И хорошо...

Умчатся милями прямые – ты в пути.
Твой город спит в каком-то южном штате.
Сегодня он ничейный и прохладный.

Мы далеки, но мы пересеклись,
Пока! я твоих звёзд не различаю,
Полночь цветок прощания качает,
Мой пройденный этап и веру в жизнь.

В ПОЛЁТЕ

Я не знал,
у меня не возникло бы даже идеи,
Что на таможне,
Откуда мы улетели,
Нас посадят на одни места,
В соседние кресла,
И пока по салону ходили туда и сюда
Стюардессы,

А пилоты держались за курс корабля,
Я смотрел на тебя, так бессовестно,
так скрупулезно,
И лишь изредка взгляд уводил в небеса...

Я бы думал? а ты бы гадала?
Что мы вместе с тобой пролетим
От Нью-Йорка и до Амстердама!
Да ведь это как целая жизнь
В ширину Атлантического океана!
Только время летело, как лайнер,
Все время с нами,
И наш Боинг немного устал,
поспевая за ним.

На борту было жарко
От белого неба в салоне,
Новый Свет уже был позади,
Оставался на фоне.
Я запомнил тебя в полёте!
И, поверь, это было непревзойдённо,
Пока стыло на правом борту самолёта
Белое небо и солнце.

Этот путь без конца и без краю,
Как мимолётный,
Я смотрел то на небо, а то на часы,
Порой безмолвный.
Я почти что уснул на твоей примостившись руке,
И почти что не спал...
И почти что заметил –
Луна расписалась для нас вдалеке.

ОДИНОЧЕСТВО

Когда улиц коснулся зелёный свет,
Полумесяцем мягко отброшенный,
Загрустил в волоките своей человек,
Затерявшийся в нашем обществе.
Человек со своею мечтой о счастье,
Без особенной славы и без беды,
Не считающий нужным сверяться с часом
Городской равнодушной к нему среды.

По знакомой дороге, плащом укрыт,
Проходил он, обескуражен
Неприступным оскалом холодных плит
Занавешенных мглою башен.
И от этого всякий земли холодок
Перед ним неизбежно маячил,
И дорог параллелей электроток
Тротуары ему оттачивал...

В сумерки, добираясь домой,
В ожидании месяца странного,
Все четыре тени за его спиной
Наблюдали за небом Канта.
Никому не враг, никому не друг,
Постигая свое одиночество,
Он стал маленьким силуэтом вьюг
И гештальтом беззвездной ночи.

Сирота-человек брёл всегда один
Улицами-паутинками,
И когда он дорогу переходил,
Ощущал себя невидимкою.
Миллионы людей, что брели вместе с ним,
Погружались в свою озабоченность,
А город, казалось, как солнцем, палим
Неутихающим одиночеством...

Разве кто из них тосковал о нём,
Кто, как градинки поздней осенью,
Ударялись в землю под его каблуком
Своими пустыми позами?
Под высокой тенью чужих домов,
Спрятав руки в непонимание,
Он стал просто маленьким островом
В человеческом океане...

Когда жители, вдруг порываясь с мест,
Открывали оконные лопасти,
Он терял свой шифр: входил в подъезд
Будто плыл в невесомости;
Доставал свой ключ, проносил багаж,
В поздний час не встретясь с соседями,
Поднимался в лифте на свой этаж,
И терялся для нас в неизвестности...

Между тем на тропинке, за ним вослед,
Возникла фигура похожая.
На неё тоже падал оливковый цвет,
Долго падал, луною отброшенный.
И она приветливо шла в подъезд...
Ночь над городом вышла исправная
Одиночество в людях исказило процесс
Сияния и восприятия.

Принимая жизни тлетворный дым,
Каждый в мире находит симфонию.
Человек-неведимка не мог быть другим,
Несмотря на свою агонию.
Маленький остров далёк от волн,
И вода тоже очень спокойная,
Лишь раскрытый к морю пустой балкон
Утешает своего Робинзона.

Иоганн Вольфганг Гёте
ПОСВЯЩЕНИЕ
(перевод с немецкого)

Стучалось утро по небесной кромке,
Светало в небе и спугнуло сон,
Да так легко, что из своей скорлупки
Бродить пошёл я, миновав уклон.
Цветы поникли под росистой плёнкой,
Я созерцал вокруг себя канон:
Чудесный день возвысился бескрайним,
Я упивался счастьем несказанным.

И лишь я встал – поднялся над долиной
Туман и, разрастаясь над землёй,
Он словно плыл над пеленой пустынной
И вырос прямо вдруг передо мной.
И тень тумана ровной половиной
Легла и заслонила всё собой.
Едва границы света различая,
Я всё искал за сумраком начало.
Когда же свет подкрался, то, белея,

Сверкали небеса, спадая вниз,
Туман качался, замирал на время,
Над лесом и над склонами повис.
Я полный трепета смотрел, и всё яснее
Он становился, первозданно чист.
Поникли в воздухе таинственные знаки
И свет укрылся и погас во мраке...

Тот образ, незаметно появляясь,
В каком-то дыме явственно предстал,
В моих глазах виденье трепыхалось,
Поскольку он, казалось, что сиял...
Дух женщины, с землёй соприкасаясь,
Меня решительно к себе позвал -
Едва ли чудо раз бывает в жизни,
Но этот миг к подобному причислен.

«Ты узнаешь...? – она спросила с грустью,
Спокойный голос, снизойдя, притих –
Давно твои печали тяжким грузом
Мне выпадало за тобой нести.
Порой, идя к покою и к союзу,
Твои стремления не ведали пути.
И мне ль не помнить: с горькими слезами
Ты, как ребенок, звал меня ночами...»

«О, да – воскликнул я – всегда спокоен,
Я чувствовал, как ты меня вела,
Когда я был несчастен или болен,
Ты мне покой душевный берегла.
Мой всякий грех тобою же отмолен,
Со мной ты вечно будешь, есть, была.
Мой светлый час всегда с тобою связан
И всяким счастьем я тебе обязан!

О, Божество! кто ты на самом деле?
Живешь под тайной, но, незрима, есть,
Тебя вообразить едва посмели...
Но как же больно на тебя смотреть!
Все сыграно! Ты видишь, брошен всеми
Я в одиночестве и бед моих не счесть.
Твоим теплом, даримым неизменно,
Я наслаждаюсь сам, благословенный...»

Она смеялась: «Что за безрассудство?!
Мне сложно убедить тебя, и как?
Ты жил в плену беспомощных иллюзий,
И собственным желаньям был слуга.
Твой образ жизни – вовсе не искусство,
Зачем перед другими ты сникал?
Так сколько ты бороться будешь с ними?
Поверь в себя и мир люби с другими!»

«Прости – я вострепнулся – знать мне лучше,
На что ты, дух, откроешь мне глаза?
Я знаю цену доброте и дружбе,
Служить намереньям – нелёгкая стезя.
Я всем открыт, насколько это нужно,
Но никому не нужным быть нельзя!
Так в чём же цель пути, который скуден,
Пока не в силах он открыться людям?..»

Я говорил – видение сияло,
Возликовал в спокойном взгляде лик,
В её глазах я мог прочесть немало,
В чём я ошибся и чего достиг.
Она смеялась, словно окрыляла,
И я как будто радостью проник.
Я чувствовал её любовь и веру,
И следовал чудесному примеру...

Вдруг руку протянула незаметно
Святая женщина, витающая во мгле,
Я взял её почти благоговейно -
Она далась, туман исчез вонне:
Мне открывались склоны, свет и небо,
Которое я видел в вышине.
Паря под белоснежным покрывалом,
Дух-женщина, как никогда, сияла!

«Я знаю твои слабости и силу,
И то высокое, на что решился ты, –
Её слова неслись, а я за ними –
Прими же всё как есть в свои ряды.
Будь счастлив тот, кто хочет быть счастливым,
Кто счастьем всей душой своей открыт.
Внезапным утром наступает ясность,
Поэзией, как истина, прекрасной.

Когда тревога чувства затмевает
И для надежды новой нет примет,
Всегда придёт вечерняя прохлада
И аромат цветов за ней вослед.
Молчит теснее, чувствами охвачен,
Кто в облаках покой нашёл себе.
И всякий вздох покажется длиннее,
День возлюбя, а ночь ещё светлее».

Друзья мои, дорога наша – призма,
И долгий путь к чему-нибудь сведён,
И если вас окутывает призрак,
Наполнятся цветы чудесным днём.
Путь завтра обещает быть тернистым,
Но мы его, живя, всегда пройдем!
Ведь если верит ангел в нас небесный,
Не только жизнь, любовь в неё воскреснет...